

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

Месть
женщины

ЭКСМО

СВР: Марина Чернышева

Чингиз Абдуллаев

Месть женщины

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Месть женщины / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1996 — (СВР: Марина Чернышева)

Красивая женщина, потрясающий Буэнос – Айрес, восхищенные взгляды мужчин. Но ей нужен только один. Потому что ей, полковнику КГБ Чернышовой, приказано найти исчезнувшего агента. Он профессионал, отличный актер и превосходный аналитик. Погубить его может лишь одно – он верит в превосходство мужчин. Что же, заблуждение стоит ему жизни.

© Абдуллаев Ч. А., 1996

© PEN-клуб, 1996

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Чингиз Абдуллаев

Месть женщины

«Как бы плохо мужчины ни думали о женщинах, любая женщина думает о них еще хуже».

Никола Себастьян де Шамфор. «Максимы и мысли»

Глава 1

В этот день ее вызвал сам Чернов. После событий января девяносто первого года и ухода в отставку генерала Маркова именно генерал Чернов, бывший прежде его заместителем, стал руководителем специальной группы «Кларисса». И именно он теперь вызвал к себе одного из лучших сотрудников группы – полковника Марину Чернышеву.

Несмотря на свой возраст – ей шел уже сорок второй год, – женщина по-прежнему сохранила свою удивительную фигуру и красоту, не только не стертую годами, наоборот, обретающую внутреннее очарование, преходящее с мудростью и опытом. Много лет назад, во время операции в Южной Африке, они были даже близки. Но связь длилась недолго. Они оказались слишком разными людьми. Их связывала только общая работа и способность аналитического мышления. Но если сам Чернов был больше практиком, планируя и осуществляя самые дерзкие операции Первого главного управления КГБ СССР и действуя часто не только в обход закона, но и попирая моральные нормы, то Чернышева в последние годы больше занималась аналитической работой, выполняя особые задания бывшего руководителя группы генерала Маркова.

После того как в марте девяносто первого генерал Марков ушел на пенсию, Чернышева занималась разработкой операции в Чехословакии по закреплению бывшей агентуры КГБ в этой стране. В июле операция была практически закончена, и все старые связи были либо прерваны, либо восстановлены. И вот новый вызов к генералу.

В их группе никогда не надевали форму и каждый волен был сам выбирать стиль гражданской одежды, сообразуясь со своими вкусами и привычками. Марина любила брючные костюмы. Даже в эту летнюю жару она была в светлых широких брюках и в белой блузке, плотно облегающей ее тело. Войдя в кабинет генерала, она коротко кивнула в знак приветствия и, не дожидаясь приглашения, прошла к столу, села напротив Чернова.

– Добрый день, Марина Владимировна, – сказал, как всегда, улыбаясь, Чернов. Он обращался к ней по имени-отчеству, словно подчеркивая ее возраст и забывая о том, что они когда-то были близки.

– Добрый день, Сергей Валентинович, – она отвечала таким же образом, подчеркивая еще более почтенный возраст самого Чернова, которому было уже за пятьдесят.

– Ваша работа по пражскому направлению заслуживает всяческого поощрения, – отметил генерал, – я докладывал о вас самому Шебаршину. Он хочет с вами встретиться. Надеюсь, вы не имеете ничего против?

Сарказм в его словах был понятен. Генерал-лейтенант Леонид Шебаршин вот уже два года возглавлял советскую разведку. Именно ему фактически подчинялась группа «Кларисса», о существовании которой не знали даже многие высокопоставленные офицеры ПГУ КГБ СССР.

Сотрудники «Клариссы», кроме самого руководителя группы, почти никогда не появлялись в Ясенево, где находился основной центр руководства советской разведки. Они существовали автономно, словно отдельный остров в бушующем океане спецслужб.

– Что-нибудь случилось? – спросила Чернышева.

– Это связано с Прагой, – кивнул Чернов, – вы ведь так и не смогли выйти на Кучера?

– Я вам докладывала, – недовольно нахмурилась Чернышева. – Кучер был резидентом Чехословакии в ФРГ. После пражской «бархатной революции» и объединения Германии он замолчал. Настоящая фамилия этого человека Флосман, но в Мюнхене он был известен под фамилией Балик.

– Я все помню. Но вам так и не удалось найти этого Флосмана-Балика. Подозреваю, что именно из-за него Шебаршин и хочет с вами увидаться.

– Мы нашли всех. Установлены все остальные, – сказала Чернышева, вспоминая: – Заградка, Ступка, Капек, Здражил. Всех, кроме Флосмана. Он исчез в Мюнхене, и, несмотря на все наши попытки его обнаружить, мы не смогли его найти. Подозреваю, что он просто сбежал. Или уехал в какую-либо другую страну. В Прагу он не вернулся.

– Во всяком случае, у меня спрашивали именно о нем, – сказал Чернов, – поэтому через час мы должны быть в Ясенево. Выезжаем через двадцать минут. Надеюсь, все дело вы помните достаточно хорошо.

Она поморщилась. Этот ернический тон Чернова ей не нравился. А он вдруг, серьезно посмотрев на нее, сказал совсем другим тоном:

– Хорошо выглядишь, Марина.

– Стараюсь. Пока еще нравлюсь мужчинам.

– Я это по себе чувствую. Всегда спрашиваю себя, почему у нас так ничего и не вышло?

– Не знаю. Наверное, не судьба.

– Какая судьба, – отмахнулся он, – просто ты никогда ко мне особенно хорошо и не относилась. Я это всегда чувствовал.

– Неправда, – возразила она, – я всегда ценила тебя как лучшего среди нас профессионала. Ну, может, второго, после Маркова. Ты и был лучшим. Но...

– Вот именно – но. У тебя в запасе всегда было «но».

– Это зависело не только от меня. Если хочешь откровенно, я тебе скажу. У тебя раздвоение личности. Когда ты попадаешь за рубеж, то сразу превращаешься в осторожного, умного, заботливого, надежного партнера. Я ведь помню, как ты работал со мной в Родезии и в Чили. А когда возвращаемся домой... Тебя словно подменяют. И ты теряешь всякий контроль. Даже в постели ты совсем другой. Извини. Я не хотела тебя обижать.

– Другой – это хорошо или плохо?

– Плохо. Здесь ты более черствый, более равнодушный, более жестокий. Все то, что тебе удается подавлять там, ясно проявляется здесь. Я не хотела этого разговора, ты сам первый начал.

Он взглянул на часы.

– Машина уже здесь, – кивнул женщине, словно давая понять, что разговор закончен. – Поедем, Марина Владимировна, а то мы можем опоздать. Вам пятнадцать минут на сборы хватит?

– Хватит, – она поднялась и вышла из комнаты.

Он проводил ее мрачным взглядом и вздохнул.

Ровно через пятнадцать минут она ему позвонила. Он невольно взглянул на часы и улыбнулся довольный: она была потрясающе точна. Еще через пять минут они выехали в Ясенево. В дороге почти все время молчали, словно все главное уже было сказано там, в кабинете. Или, может, просто не хотели говорить при постороннем – водителе.

Когда они уже подъезжали к воротам, Чернов достал из кармана специальную пластиковую карточку офицера ПГУ и протянул ее Чернышевой. Сотрудники «Клариссы» не имели подобных постоянных пропусков в Ясенево. Они просто не могли попасть в список офицеров, допущенных к работе с особо секретными документами.

После соответствующей проверки уже через несколько минут они были в кабинете начальника ПГУ. Здесь посетителей никогда не заставляли ждать в приемной. Назначалось точное время приема, чтобы одни приглашенные не встретились с другими. В этих кабинетах умели ценить собственное время и время своих сотрудников.

Несколько лет спустя о последнем руководителе советской разведки – генерале Шебаршине – напишут книги и статьи, попытаюсь рассказать об этом удивительном человеке. После ареста Крючкова он на один день даже возглавит КГБ. А потом, уже в сентябре, уйдет, чтобы не участвовать в развале всей системы органов государственной безопасности, которую с таким блеском осуществит его преемник. Шебаршин был профессиональным разведчиком и патриотом. Пришедшие ему на смену дилетанты с какой-то непонятной яростью уничтожали то, что составляло основу их государства, приобретая в конечном счете недобрую славу Герострата.

Марина впервые встречалась с новым начальником ПГУ. С генералом Черновым начальник ПГУ поздоровался за руку. Взглянул на Чернышеву и, замешкавшись на секунду, пожал руку и ей. После чего предложил садиться.

На плечи последнего начальника ПГУ выпала нелегкая миссия. Начиная с момента его назначения блок союзников стремительно сокращался. Сказывался знаменитый «принцип домино», когда вся система начинала разваливаться после падения одной из составляющих. Сначала это была Польша, где летом восемьдесят девятого президент Ярузельский пошел на первые демократические выборы. Затем пала Берлинская стена, потом последовала «бархатная революция» в Чехословакии, расстрел Чаушеску в Румынии, отстранение от власти Тодора Живкова в Болгарии. Повсюду рушились не только режимы. Одновременно Советский Союз терял стратегических союзников, базы, разведывательные центры, хорошо налаженные связи, свое влияние в странах Восточной Европы.

Этого мог не понимать слабый и безвольный Горбачев, так и не сумевший придать хоть какое-то направление своим реформам, вышедшим из-под контроля и превратившимся в хаотическое движение, сметающее на своем пути все и вся. Но это прекрасно понимали аналитики КГБ, с разочарованием и болью наблюдавшие, как рушится несложившийся старый мир. Как теряются прежние ориентиры, как уходят прежние друзья и как предаются прежние союзники. Апофеозом подобного безнравственного предательства станет выдача смертельно больного Эриха Хонеккера германскому правительству. Всю свою жизнь Хонеккер верил в дружбу Советского Союза. И даже когда во имя сохранения собственного режима он мог поступить вопреки воле руководства СССР, он не стал этого делать.

Нашедший последнее убежище в Москве, тяжело больной Хонеккер будет выдан германскому правительству. Один этот акт предательства способен запятнать людей и правительство, совершивших подобный бесчестный поступок. Врачи, действующие по указанию лицемеров, не найдут у больного раком Хонеккера никакой болезни. И последним актом мужества этого человека будет поднятая правая рука со сжатым кулаком в традиционном вызове тем, против кого всю жизнь боролся этот человек. Через несколько месяцев более объективные германские врачи обнаружат, что Хонеккер неизлечимо болен, и более объективный германский суд сочтет невозможным наказывать больного старика, ставшего разменной картой в сложной политической игре.

Но до этого еще несколько месяцев. Самых страшных и долгих месяцев агонии Советского Союза. А сейчас, в июле девяносто первого, начальник ПГУ генерал Шебаршин уже исходил из того реального факта, что в Европе отныне нет союзников и все связи, оборванные после революции восемьдесят девятого года, нужно восстанавливать. Он еще не знал, что самое страшное для него впереди. Он еще не подозревал, что случится с его собственной страной меньше чем через месяц.

– Полковник Чернышева со своей группой завершила работу по чехословацкому направлению, – негромко начал докладывать Чернов, – нами проверены и отработаны прежние связи,

добавлены новые цепочки к уже существующим линиям, отвергнуты агенты, ставшие известными в ходе «бархатной революции». Упор сделан на агентуру, и прежде работавшую только на нас.

– Я ознакомился с вашим донесением, – кивнул Шебаршин. – Вы проделали большую работу. Наши бывшие специалисты по Чехословакии ориентировались в основном на старые кадры, во многом известные на Западе. А вам удалось создать практически новую агентурную сеть. Но нас волнует вопрос с исчезновением Кучера.

– Разрешите? – спросила Чернышева.

Шебаршин кивнул.

– Мы тщательно все проверили. Кучер не вернулся в Прагу, где у него живет сестра. Нет его и в Мюнхене, где проживала одно время его бывшая пассия. По нашим агентурным сведениям, Кучер не появлялся и в столицах европейских государств. Возможно, он перебрался на жительство в Южную Америку, где ранее работал в качестве дипломата. Или просто решил отойти от активной деятельности, осев в каком-нибудь городке.

– Нет, – возразил Шебаршин, – у вас неточные сведения, полковник.

Она насторожилась. Значит, что-то они упустили.

– Мы получили подтверждение от нашего агента в Лэнгли, – продолжал Шебаршин, – Флосман был перевербован ЦРУ в восемьдесят шестом году. Он был двойным агентом. Работал на обе стороны.

Марина невольно нахмурилась. Она не предвидела такого поворота событий. Чернов, сидевший рядом, не глядя на нее, спросил:

– Это проверенные сведения?

– Вполне. Источник надежный. Флосман являлся агентом ЦРУ. Вы понимаете, что это означает?

Чернов по-прежнему не смотрел на Чернышеву, и это было обиднее всего. Она решила взять всю вину на себя.

– Понимаем, товарищ генерал. Мы строили свою работу с учетом того фактора, что Флосман погиб или вышел из игры. Но отныне нам придется менять все исходные данные. Кучер не только жив, но и работал на противную сторону. Значит, мы ошибались. И среди наших агентов, уже проверенных за последние несколько месяцев, вполне может оказаться подставка. Или, еще хуже, этот агент может быть разоблачен самим Флосманом при личной встрече.

– Вот это самое неприятное, – кивнул Шебаршин. – Получается, что вся ваша работа была проделана впустую.

– Мы проверим все еще раз, – мрачно пообещал Чернов.

– Нет, Сергей Валентинович. Это долгий и неблагоприятный путь. Мы можем предложить другой вариант. Более надежный. По нашим данным, Флосман сейчас осел в Южной Америке. Нам повезло, и мы вышли на него раньше американцев. Но это ничего не значит. Они могут вспомнить о своем бывшем агенте и снова попытаться включить его в игру. Тем более что Флосман, судя по всему, знает гораздо больше, чем мы раньше думали. А у вас в Аргентине остался работать Штурман. Тот самый, который раньше работал на Прагу.

– Да, Йозеф Липка, – подтвердила Чернышева, – он дал согласие на работу с нашей разведкой.

– У вас хорошая память, полковник, – заметил Шебаршин. – Будет очень неплохо, если в Аргентине состоится встреча Флосмана и Липки. Они ведь и раньше встречались. Нужно, чтобы кто-то выехал в Буэнос-Айрес и присутствовал бы на этой встрече. Мы с таким тру-

дом восстанавливаем связи, а этот Кучер может их просто развалить. Я дал указание Второму отделу.¹ Они окажут вам необходимую помощь.

– Мы подумаем над тем, кого именно послать в Аргентину, – осторожно вставил Чернов, – у нас есть ряд кандидатур.

– Прошу послать меня, – вмешалась Чернышева, к явному неудовольствию Чернова. – Для меня испанский язык почти родной. Сергей Валентинович знает, что я часто бывала в Латинской Америке.

– Это его право, – холодно заметил Шебаршин. Он не любил, когда пытались сразу исправить допущенную ошибку. По его твердому убеждению, любая акция должна быть предметом тщательно спланированной операции. Поэтому он не захотел поддержать женщину, так быстро согласившуюся на собственное участие в сложной операции. А может, он просто не хотел рисковать ценным сотрудником.

Когда они вдвоем вышли из кабинета Шебаршина, Чернов недовольно заметил:

– Совсем с ума сошла? Молодость решила вспомнить? Никуда я тебя не отпущу, никуда не поедешь.

– Поеду, – уверенно сказала Чернышева. Она знала, что в конечном итоге это будет самый лучший выбор в их группе. Чернов не стал спорить. Видимо, он понимал это так же, как и она.

¹ В бывшем Первом главном управлении КГБ СССР Второй отдел ПГУ занимался проблемами Латинской Америки и состоял из сотрудников, специализирующихся на этих странах.

Глава 2

Каждый раз, прилетая в Буэнос-Айрес, она испытывала странную смесь восторга и удивления перед этим необыкновенным городом, расположенным в заливе Ла-Плата. Находясь почти в трехстах километрах от Атлантического океана, город, казалось, был его символом. Мощным, большим, красивым символом океана, впитавшим в себя десятки различных атлантических культур и ставшим одной из самых красивых столиц мира.

Практически треть населения Аргентины и большая часть всего городского населения страны проживала в Буэнос-Айресе. Его протянувшиеся на многие километры авениды придавали городу неповторимое очарование. При ближайшем рассмотрении город обнаруживал в себе как бы три пласта. Первый – колониальный, когда в восемнадцатом-девятнадцатом веках в Буэнос-Айресе возводились роскошные особняки испанских дворян, прибывающих в эту страну. Затем, в начале двадцатого века, и особенно в период между двумя войнами, когда сюда хлынули переселенцы из Старого Света, город стал застраиваться эклектичными зданиями, словно отражавшими хаос в умах и настроениях пришельцев. Возводились здания причудливой конфигурации со множеством архитектурных решений. Пришельцы словно соревновались друг с другом в изощренности архитектурных решений. Второй слой города был во многом несовершенен, часто носил случайный, непродуманный характер. Но сами здания, иногда становившиеся триумфом архитектурной мысли, а чаще просто проявлением амбиций его создателей, во многом определяли характер самого города – бурно развивающегося, с населением, состоящим из нескольких крупных диаспор, среди которых самой большой к этому времени становилась итальянская.

Вторая мировая война принесла Аргентине огромные дивиденды, когда, торгуя со странами обеих враждующих сторон, она смогла за короткий срок неслыханно увеличить свое благосостояние. В городе начался новый строительный бум. Начали возводиться многоэтажные дома, характерные для североамериканских городов. Стремительно росли здания и офисы международных компаний, банков, страховых обществ. Целый поток переселенцев, состоявший из проигравших войну немцев и итальянцев, довершил свое дело. Теперь рядом с двухэтажным зданием типично колониальной постройки можно было увидеть архитектуру кубистов или модерна, а пройдя несколько шагов, обнаружить многоэтажное здание нового банка. Желаящие могли бесконечно бродить по узким улочкам старого города, заходя в небольшие итальянские кафе, наслаждаясь хорошим бразильским кофе. А могли отправиться в фешенебельный ресторан, расположенный на крыше одного из многоэтажных зданий, и отведать там блюда мировой кухни. Буэнос-Айрес был не просто красивым городом. Он был символом тех перемен, которые коснулись за последние триста лет всех стран Южной Америки.

Расположившись в небольшом отеле «Санта-Крус», Марина терпеливо прождала весь день связного, который должен был приехать в гостиницу. Несмотря на значительную отдаленность Латинской Америки от Советского Союза, агентура КГБ действовала во многих южноамериканских государствах достаточно уверенно. Этот огромный регион всегда считался своеобразной епархией ЦРУ и приоритетным направлением во внешней политике США. Но сначала Куба, а потом и Никарагуа сумели вырваться из орбиты американского притяжения, смещаясь в сторону другого полюса, каким был в двухполярном мире Советский Союз.

Куба, имевшая очень сильные спецслужбы, успешно противостоящие американцам по всему континенту, была стратегически очень важной составляющей в политике КГБ в Южной Америке. Целая сеть подготовленных агентов, для которых испанский язык был родным и которые чувствовали себя в экзотических условиях Латиноамериканского континента достаточно уверенно, очень помогала советским резидентурам на местах.

Вот и теперь для связи Чернышевой был выделен бывший кубинский агент Энрико Диас, уже давно работавший в Аргентине. По согласованию с кубинской разведкой Второй отдел ПГУ КГБ использовал Диаса только в особо важных случаях, когда прибывающий агент не выходил на прямую связь с резидентурой местного КГБ и не мог быть обнаружен местной службой безопасности.

Чернышева прилетела в Буэнос-Айрес из Мехико, по традиционному для советских агентов маршруту – через Мексику. Паспорт у нее был выписан на имя Эльзы Дитворст, нидерландской журналистки, которая прилетела в Аргентину для сбора материалов для своего журнала.

Генерал Чернов все-таки разрешил этот опасный визит в Аргентину. Но вместе с Чернышевой полетел и капитан Александр Благодзе, который должен был выйти на связь с посольством и резидентурой в Буэнос-Айресе. А заодно и обеспечить необходимое прикрытие Чернышевой во время поисков Кучера.

Она прождала в отеле весь день. И только в десятом часу вечера к ней в номер поступался Энрико Диас. Он работал на местном телевидении и по легенде вполне мог встречаться с прилетевшей в страну нидерландской журналисткой. Диас был смуглым мулатом невысокого роста, с негроидными чертами лица и курчавыми волосами. Войдя в комнату, он поздоровался с прилетевшей журналисткой и сразу пригласил ее в ресторанчик, расположенный рядом с отелем.

Когда они, наконец, оказались за столиком в ресторане, Диас заговорил о деле.

– Мне сообщили о вашем приезде, чем я могу вам помочь, сеньора Дитворст?

– Я бы хотела встретиться с одним человеком. Он сейчас живет в Кампане.

Это был небольшой городок, находящийся в сорока километрах севернее Буэнос-Айреса.

– Нам нужно его найти?

– Нет, я знаю, где он живет.

– Тогда в чем будет состоять моя помощь?

– Нам нужно установить наблюдение за домом этого человека. Сама я, естественно, не могу там часто появляться. Но кто-то из ваших людей должен быть там постоянно.

– Вы не доверяете этому человеку?

– Ему мы доверяем. Но тому, кто приедет на встречу с ним, – нет. Этот человек очень опасен. Поэтому я и прошу, чтобы кто-то всегда был в Кампане.

– Сделаем, – кивнул Диас, – а вы знаете, кто именно должен приехать?

– У нас есть его фотография, – кивнула Чернышева.

– В таком случае все в порядке, – улыбнулся Диас, – вам никто не говорил, что вы очень красивая женщина, миссис Дитворст?

Диас заказал какое-то острое мексиканское блюдо, и она непроизвольно поперхнулась. Закашляла, выпила воды. Ее собеседник терпеливо ждал. И только потом сказал:

– Наверное, у такой красивой женщины должны быть свои телохранители?

– Что вы хотите этим сказать?

Он показал в сторону сидевшего за соседним столиком Благодзе, который вошел сюда почти сразу за ними.

– Это не полицейский, – заметил Диас, – и не агент местной службы безопасности. Я их сразу узнаю. Это ваш человек, миссис Дитворст.

Она не ответила. Нужно будет сказать Благодзе, чтобы он не так рьяно ее опекал. Если на него обратил внимание Диас, то вполне могут заметить и другие.

– Когда вы поедете в Кампану?

– Завтра утром. Вы всегда едите такие острые блюда? – не сдержалась она.

– Да. Простите, кажется, я не совсем рассчитал, когда привел вас сюда. Но здесь самое надежное место. Правда, не рассчитанное на европейские желудки, – признался Диас. – Когда вы дадите мне фотографию того человека?

– Она у меня с собой. Но это только приблизительно похожий на оригинал портрет.

– В таком случае просто положите ее на стол. И можете уходить. Я уже понял, что местная еда вам не очень нравится.

– По-моему, они явно увлекаются перцем, – кивнула Чернышева и достала из сумочки фотографию Кучера. Положив ее на стол, она поднялась и, кивнув на прощание Диасу, вышла из ресторанчика. За ней почти неслышной тенью проскользнул Благидзе.

На следующее утро она выехала в Кампану. Машину выбрала с таким расчетом, чтобы нигде не останавливаться по дороге. Это был мощный «Крайслер» прошлого года выпуска, который ей подогнали прямо ко входу в отель. Благидзе, уже предупрежденный о ее поездке в Кампану, с самого утра дежурил у отеля, заблаговременно взяв в прокате довольно потертый «Рено».

Он не особенно соблюдал дистанцию, беспокоясь упустить «Крайслер» из виду. Дважды Чернышевой приходилось сбавлять скорость, поджидая, пока Благидзе на своем автомобиле догонит ее. Наконец они приехали в Кампану, небольшой городок на севере от Буэнос-Айреса. Несмотря на то, что в описываемый период в городе проживало не более пятидесяти тысяч человек, это был довольно крупный морской порт на севере Ла-Платы, откуда уходили рыбо-ловецкие суда и баржи вниз, в залив, и вверх по течению Параны.

Они довольно долго кружили по городку, разыскивая нужную улицу. Чернышева с понятным раздражением думала, что любой наблюдатель уже давно мог все просчитать. Настолько нелепо выглядели их два автомобиля, неспешно проезжавшие по небольшим улочкам города. Наконец им повезло, и они выехали на Санта-Исабель, параллельную приморскому бульвару улицу, начинавшуюся от причудливо украшенной в типичном колониальном стиле арки.

Нужный двухэтажный дом Чернышева нашла довольно быстро. На этот раз Благидзе, не останавливаясь, проехал вперед и притормозил только через триста метров, в конце улочки. Южноамериканские страны впитали в себя причудливую смесь испанской, индейской, немного американской, а в Аргентине еще и немецкой и итальянской культур. Именно поэтому сиеста, столь любимая и обязательная для испанцев, так прижилась в некоторых странах Латинской Америки. Сказывался климат и темперамент латиноамериканцев. И если чилийцы любили уменьшительные суффиксы и неспешное течение жизни, то их соседи по континенту предпочитали гиперболы в личной жизни. Можно сказать, что чилийцы были немного испанцами Южной Америки, со своей склонностью к отдыху и неспешной жизни, а аргентинцы представляли собой смесь французов и итальянцев, хвастливых, громких, самоуверенных и темпераментных южан.

Но сиеста была обязательна для всех. И в Кампане в это время дня уже начинавшаяся сиеста буквально очищала улицы от всех праздношатающих и сторонних наблюдателей. Даже в морском порту жизнь, казалось, замирала и шли лишь разгрузочно-погрузочные работы, которые нельзя было остановить. Вот и теперь на Санта-Исабель не было почти ни одного человека, если не считать двух стариков, сидящих прямо на земле в конце улицы, у небольшого местного бара.

Чернышева, выйдя из автомобиля, осмотрелась. Все было спокойно. Она прошла к дому и постучала. Никакого ответа. Постучала еще. Сиеста была священна для отдыхающих, и ей вполне могли не отвечать. Она постучала снова. Наконец за дверью послышались чьи-то шаги. И только через минуту раздался очень недовольный голос, спросивший с ощутимым акцентом по-испански:

– Что вам нужно?

– Мне нужен сеньор Липка, – громко сказала Чернышева, снова оглядываясь. Кроме сидевшего в автомобиле Благидзе и двух стариков, на улице не было никого. Очевидно, и в ее голосе был все-таки какой-то неуловимый акцент, так как дверь ей не открыли, а тот же голос спросил:

– Кто вы такая?

– Сеньор Липка, я приехала к вам по поручению сеньора Веласкеса, – это был условный пароль, – он просил передать вам письмо.

Только тогда она услышала, как дверь открывается. На пороге возник пожилой человек лет шестидесяти. Растрепанные седые волосы, лицо в жестких складках морщин, словно выдубленных соленым морским ветром, узловатые пальцы рук, красные глаза. Очевидно, хозяин дома строго соблюдал священный ритуал сиесты. Он недоверчиво смотрел на Марину. Она была одета в легкий брючный костюм персикового цвета. На голове соломенная шляпка, столь модная в этом сезоне.

– Это вы от Веласкеса? – недоверчиво спросил Липка.

Она узнала его сразу. Его фотография была в личном деле, правда, десятилетней давности, но он не очень изменился.

– Он просил передать вам привет, – уверенно кивнула Марина.

Хозяин дома молча посторонился, пропуская незваную гостью в дом. Сверху, со второго этажа, раздался женский крик.

– Кто к нам пришел, Иосиф?

Не Йозеф, а именно Иосиф. Очевидно, жене Липки было трудно выговаривать славянское имя своего супруга. Чернышева вспомнила, что у Липки большая семья – жена и трое сыновей. Но ребят не было в доме. «Может, на них не распространяется правило сиесты», – подумала Марина. Хотя навряд ли. Просто, не найдя работы в этом городке, они наверняка уехали трудиться в Буэнос-Айрес, оставив родителей одних.

– Это ко мне, – недовольно прокричал Липка, – привезли письмо от моего старого друга.

Он показал на комнату, расположенную справа от лестницы. Прошел первым. И первым уселся на глубокий диван, подвигая к себе столик, на котором стояли две бутылки и несколько чистых стаканов. Чернышева прошла следом и села в кресло напротив. Ни слова не говоря, хозяин дома разлил местное вино в два высоких стакана. Взял один, выпил вино почти залпом и только потом недовольно выдавил:

– Ну?

Марина молча взяла стакан. Но не стала пить, а лишь подчеркнуто демонстративно отодвинула его в сторону. Потом налила себе воды из большой бутылки, стоявшей тут же, на столе, в другой стакан. И, не сводя глаз с Липки, выпила. Она знала психологию и умела работать с подобным типом агентов.

Условно говоря, психологи КГБ делили всех агентов-нелегалов на четыре категории. «Артисты» – виртуозы своего дела, любящие и наслаждающиеся подобной игрой, ставшей как бы частью их натуры. Такие часто шли на риск, словно получали удовольствие от этой игры, своего рода наркотика, без которого они уже не могли существовать. Вторая категория лиц – «Мастера» – педантичные, строгие профессионалы, предпочитающие во всем доверяться логике и сдержанные в проявлении своих эмоций. Третья категория агентов – «Истерики» – нервные, эмоционально неустойчивые типы, желающие исповедаться своим резидентам, болтливые, с легко возбудимой психикой. И, наконец, четвертая группа агентов, которых называли «Молчуны». Эти демонстрировали показную агрессию, неохотно шли на контакты, предпочитали избегать личных встреч с резидентами.²

² Указанные категории психотипов агентов-нелегалов были разработаны и применялись в КГБ СССР на протяжении последних десяти-двенадцати лет перед развалом Советского Союза. Подобные психотипы еще не описаны в литературе, однако после крушения СССР и КГБ разработки психотипов были несколько изменены, в связи с чем автор и разрешил себе упомянуть эти отличия в данной книге. Вместе с тем автор описывает лишь классификацию агентов, не останавливаясь на специфических действиях разведки в каждом конкретном случае. Даже несмотря на развал КГБ и распад СССР, автор полагает, что нельзя описывать абсолютно секретные вещи. Верность даже «погибшей Атлантиде» и самому себе есть качество нравственное, не зависящее от смены декораций. (Прим. автора.)

В свою очередь, психологи Комитета государственной безопасности вырабатывали особое поведение резидентов и связных для каждого из типов агентов. В первом случае с агентами должны были встречаться сухие, мрачные, строгие резиденты, как бы подчеркивающие значение порученного дела. Во втором – просто пунктуальные исполнители, строго выполняющие инструкции Центра. В третьем – с агентами должны были встречаться своего рода исповедники, готовые выслушать многословные доносы «истериков» и поддержать их своими советами и замечаниями. И, наконец, в четвертом случае, при свидании с «молчунами», резиденты обязаны были переигрывать агентов, демонстрируя одинаковое неприятие при подобном подавлении характера собеседника. И свой независимый характер. Именно то, что сейчас делала Марина Чернышева.

Психологи обычно не ошибались. После того, как она выпила стакан воды, не ответив на вопрос Липки, он более уважительно произнес во второй раз:

– Я вас слушаю.

– У вас в доме можно говорить? – спросила Марина.

– Да, – кивнул Липка.

– Вы получили сообщение о моем прибытии?

– Мне передали, что приедет связной. Кто именно, мне не сказали. Правда, я не понимаю, почему нужен так срочно. Последнее сообщение о военно-морской базе в Мар-дель-Плата я отослал всего две недели назад.

– Это не связано с вашей деятельностью в Аргентине, – заметила Чернышева. – Нас интересует один человек. Который раньше работал с вами.

– Я работал со многими людьми. Их, наверное, несколько сот человек, – мрачно заметил Липка. – О ком конкретно вы говорите?

– Кучер. Вы знаете такого?

– Флосман? – изумился Липка, впервые обнаруживая какое-то подобие чувств. – Не может быть. Разве он жив?

– Иначе я бы не приехала.

– Но он работал в Мюнхене, в Германии, – возразил Липка. – Исчез два года назад, после объединения Германии. Никто о нем ничего не слышал.

– Он в Аргентине, – сухо сказала Марина.

– У вас точные сведения?

– Вы думаете, я прилетела в Аргентину, чтобы пошутить с вами? – спросила Чернышева. Липка смутился. Ничего не сказал. Снова налил себе вина. Выпил. И только потом спросил:

– Что я должен делать?

– Найти Флосмана. Вы знаете его стиль, его методы работы. Вы видели его в Германии четыре года назад. Значит, сумеете сразу узнать. Мы окажем вам любую помощь.

Липка задумался.

– Почему вы его ищете?

– Мы беспокоимся за нашу агентуру, – честно ответила Чернышева, – он знает многих бывших ваших коллег, которые сейчас работают на нас.

– Он никогда не был предателем, – возразил Липка, – он всегда был одним из лучших среди нас. Очевидно, он просто сбежал, решив не искушать судьбу.

– Он сбежал не поэтому, – возразила Чернышева, – он боялся, что среди найденных в Праге документов будет и его личное досье. Он был двойным агентом. Работал на Прагу и Лэнгли одновременно. И поэтому решил сбежать, когда равновесие было нарушено. Видимо, в ЦРУ просто не знали, что он был агентом Праги. И его устраивала подобная работа. Больше информации и больше денег.

На этот раз Липка замолчал надолго. Минуты на две. Потом, достав из кармана трубку, произнес:

– Это сложное задание. Если он не хочет, чтобы его нашли, мы его можем не найти. Ходили слухи, что он сбежал, захватив с собой деньги местной резидентуры. Он хороший профессионал.

– Это мы знаем.

– И опасный противник, – добавил Липка, – очень опасный. Я его хорошо знаю. Нам придется нелегко, очаровательная сеньора. Кстати, вы не сказали, как вас зовут.

– Сеньора Дитворст. Я нидерландская журналистка.

– По-испански вы говорите довольно неплохо. Хотя иногда проскальзывает какой-то акцент. Не немецкий, скорее шведский, в общем, скандинавский. Но не русский. Как мне выйти на Флосмана?

– По нашим сведениям, он в Буэнос-Айресе.

– Вы знаете, сколько там людей? Мне понадобится вся оставшаяся жизнь, чтобы его найти.

– Нет, – возразила Чернышева, – мы знаем, как это сделать за несколько дней. Думаю, у нас получится. Завтра я жду вас в отеле «Санта-Крус». До свидания, – она поднялась, прощаясь с хозяином.

– До свидания, – Липка поднялся следом.

Он проводил ее до дверей. И, вернувшись на свой диван, устался на бутылку вина.

– Флосман, – пробормотал он чуть слышно, – они думают, что это так просто – найти тебя.

Глава 3

Вернувшись после полудня в столицу Марина Чернышева разрешила Благодзе позвонить в местную резидентуру КГБ и условиться о встрече, на которой он должен был подтвердить предварительно намеченную программу.

План, разработанный в группе «Кларисса» с учетом мнения сотрудников Второго отдела ПГУ КГБ СССР, предусматривал активные действия по розыску Флосмана в Буэнос-Айресе. Липка был прав. Искать в многомиллионном городе нужного человека, не зная конкретно, где именно, было просто невозможно. Тем более если этот человек хочет остаться незамеченным. Но разработанная ситуация включала в себя и учет психотипа Кучера, и особенности его прежней работы.

Проанализировав действия чехословацкой агентуры на территории Западной Германии за последние двадцать лет, психологи и аналитики обратили внимание на повторяющийся фактор выхода на связь резидентов КГБ с агентами-нелегалами. Между Дюссельдорфом и Бонном по Рейну курсировали небольшие прогулочные катера, столь популярные и любимые у отдыхающих немцев. Обычно резидент давал сообщение в местной газете о прогулке несуществующей группы любителей богемского пива и указывал время и название катера, на котором должна была состояться встреча. Все агенты-нелегалы обычно знали, что сообщение о группе любителей богемского пива означает место встречи. Знал это и сам Флосман, часто пользующийся таким каналом связи. Именно на этом и был построен весь план. Между Буэнос-Айресом и Санта-Фе по реке также часто ходили прогулочные катера.

Объявление, появившееся в местных газетах, обязательно должно было попасть на глаза Флосману, который наверняка должен был заинтересоваться подобной встречей, рассчитанной на других бывших агентов чехословацкой разведки. И, по предположениям аналитиков ПГУ, Кучер обязательно проявил бы себя в таком случае.

Однако учитывалась и привычная осторожность Флосмана, который не захочет идти на контакт с посторонним человеком. Именно поэтому в плане особое место отводилось Липке, которого Флосман знал по прежней работе. Кучер не мог знать, что о его настоящей работе двойного агента уже известно. Но он мог это предполагать, и поэтому действовать нужно было исключительно продуманно и осторожно.

Заранее приготовленный текст вот уже две недели публиковался во всех местных газетах с таким расчетом, чтобы его прочитал сам Флосман. Отъезд речного теплохода «Кастуэра» в Санта-Фе планировался через два дня. Билеты в разные каюты первого класса были заказаны для сеньоры Дитворст и сеньора Нино Моретти. Под этим именем за рубежом обычно работал похожий на итальянца черноволосый, высокий, красивый Александр Благодзе.

Для сеньора Липки также была заказана каюта, но второго класса, о которой он еще даже не подозревал. И теперь сотрудник посольства СССР в Аргентине, работавший под прикрытием дипломатического паспорта, – специалист по вопросам внешней контрразведки и безопасности местной резидентуры КГБ, ежедневно звонил в кассы пароходства в двухдневное плавание узнавать, как продаются билеты. На теплоходе было по шестнадцать кают первого и второго классов. Теплоход был небольшой и выбран с таким умыслом, чтобы каждый из оказавшихся на нем был на виду. Пассажиры третьего класса обычно терпеливо толпились на палубе и сходили на первой же остановке.

За два дня до выхода катера из шестнадцати кают двенадцать уже были проданы. Оставшиеся четыре более всего нервировали сотрудников местной резидентуры. А до отхода теплохода оставалось всего два дня.

Диас сдержал слово. За домом Липки в Кампане было установлено наблюдение. Конечно, это было сделано на крайний случай, но, по мнению сотрудников бывшего Одиннадцатого

отдела ПГУ КГБ,³ Флосман был действительно незаурядной личностью. Несмотря на поиск в архивах, найти его фотографию так и не удалось, и был составлен фоторобот, лишь приблизительно напоминавший Флосмана даже по рассказам людей, знавших его в прежние времена.

На следующий день в отель приехал Липка. Марина завтракала на террасе, когда он вошел в ресторан. Надев светлый костюм, он словно преобразился. Из старого человека, всю жизнь прожившего у моря и пропахшего рыбой и морем, он превратился в солидного пожилого сеньора с довольно благообразной внешностью. Редкая щетина на щеках была сбрита. Волосы аккуратно уложены. Он явно наслаждался произведенным эффектом и, пройдя мимо столика Чернышевой, сел за соседний и подозвал официанта.

И только после завтрака, когда она вышла из отеля, он присоединился к ней уже на улице.

– Доброе утро, – улыбнулся он приветливо. От него исходил аромат хорошего французского лосьона.

– Вы сегодня более элегантны, – заметила Чернышева.

– Просто я приехал к своим сыновьям, – объяснил Липка, которому была приятна подобная похвала от красивой женщины.

– Давайте отойдем подальше от отеля, – предложила она, – чтобы нас не видели вместе.

Спустя двадцать минут он уже знал почти все подробности плана, выстроенного аналитиками. Он слышал о подобных формах связи в Западной Германии и поэтому сразу оценил перспективность подобного метода.

– Он обязательно прочтет это сообщение, – загорелся Липка.

– Вы сумеете его узнать?

– Конечно, – подтвердил Липка, – хотя он всегда любил принимать самый неожиданный облик. Его так и называли в Праге – Имитатор.

Чернышева достала из сумочки фотографию Кучера, сделанную фотороботом.

– Это он?

Липка взял фотографию, пригляделся повнимательнее.

– Похож. Но выражение лица совсем другое. Более настороженное и отрешенное. Глаза более внимательные. А губы узкие, в полоску. Но в общем похож. Мне так трудно судить. Если я его увижу, то наверняка узнаю. Все-таки мы встречались с ним несколько раз.

– Мы заказали для вас каюту на теплоходе. Билет уже оплачен. Вы можете взять его в кассе в любое время. Он на ваше имя.

– Спасибо. Но я думаю, что он просто так на пароход не сунется. Сначала все проверит сам. Отличительной его чертой всегда была тщательная подготовка. Он любил обращать внимание на мелочи, говорил, что в нашем деле мелочей вообще не бывает.

– Может, вы помните еще какие-нибудь характерные детали? – спросила Чернышева.

– Он человек внимательный, эмоциональный. Любит красивых женщин, деньги, впрочем, они у него всегда были. Теперь я понимаю почему. Вспомнил. Он одинаково хорошо владел двумя руками. Стрелял, фехтовал. И даже мог писать обеими руками и разным почерком.

– Вы думаете, он обратит внимание на наше сообщение?

– Обязательно обратит. Он всегда обращает внимание на такие сообщения. Но вот появится ли на теплоходе, этого я гарантировать не могу. Он вполне может почувствовать неладное и затаиться. Или вообще уехать из страны.

– Это худший вариант, – помрачнела Марина, – мы хотим предложить ему сотрудничество. Или хотя бы убедиться в его нейтралитете. Флосман слишком хорошо знает всю сеть нашей агентуры в Европе и в Америке.

³ Одиннадцатый отдел ПГУ КГБ СССР занимался обеспечением координации работы с бывшими социалистическими странами Восточной Европы.

– Которую вы теперь решили использовать, – закончил за нее Липка, – я все понимаю. Впрочем, куда мы все денемся. Эти польские, немецкие, венгерские, румынские, болгарские, чехословацкие агенты. Кому мы нужны? На родине нас считают злодеями и пособниками тоталитарных режимов. Для противника мы отработанный материал. Похоже, вы просто занимаетесь благотворительностью, спасая наши души от нас самих.

– Мы говорим не об этом, – тактично заметила Марина, возвращая его к основной теме беседы. – Какие еще отличительные черты Флосмана вы помните?

– Я его узнаю сразу, – заверил Липка, – он не сумеет меня обмануть.

– Речь идет не только о вас. Больше ничего вспомнить не можете?

– Кажется, нет. Ничего особенного. Но я его узнаю.

– Хорошо, – закончила разговор Чернышева, – сейчас поезжайте в кассу и возьмите билет. Завтра в пять часов вечера вы должны быть в своей каюте. Я тоже буду с вами в этой поездке. Договорились?

Она хотела уже попрощаться с Липкой, когда заметила, что тот нерешительно мнетя, словно собираясь о чем-то попросить.

– Вы хотите сказать еще что-то? – спросила она.

– Да, – кивнул ее собеседник, – вы будете одна?

– А почему это вас так интересует?

– Флосману сорок пять лет. Он намного младше меня. Если вдруг он не захочет пойти на контакт... Вы меня понимаете, сеньора. Мы с вами можем с ним просто не справиться.

– Не волнуйтесь, – холодно улыбнулась она, – мы справимся. Хотя это и говорит в пользу Флосмана.

– У вас будет оружие? – уточнил Липка.

– Я же сказала, чтобы вы не волновались. Идите в кассу и заберите свой билет. Завтра встретимся.

Липка кивнул на прощание. Она проводила его долгим взглядом. Судя по всему, предстоящий поединок с Флосманом может сделать их путешествие не очень приятным.

Глава 4

Вечером этого дня Марина Чернышева снова встретила с Диасом. Никаких новых сообщений у него не было. За домом Липки постоянно следили, но никто похожий на Флосмана там не появлялся. После встречи с Диасом Чернышева передала через Благидзе в Центр подтверждение о встрече с Липкой и Диасом. И только после этого, отпустив следовавшего за ней неотлучно Благидзе, вышла в город.

Город был не просто красив. Это был своеобразный европейский город в Южной Америке. Если модерн Бразилиа или роскошь Сантьяго были вызовом латиноамериканских городов новому тысячелетию, то Буэнос-Айрес с его улочками, внутренними дворами, многочисленными кафе, из которых доносились звуки танго и джаза, мог по праву считаться самым уютным городом Южной Америки.

На огромном континенте, где было расположено десятка полтора латиноамериканских государств, всегда соперничали две крупнейшие региональные мини-супердержавы – Бразилия и Аргентина. Бразилия была более своеобразна, более экзотична, более экспрессивна и более однородна в этническом плане, выводя особую нацию бразильских горожан: белых, желтых и черных, смешавшихся в одной расе, в которой текла кровь одновременно черных рабов, белых португальских колонизаторов, коричневых представителей местных племен. Это была негроидно-белая раса, в которой самба и карнавалы, казалось, были заложены в самой крови нации.

Аргентина была другой. Здесь все еще четко разделялись итальянские, немецкие и испанские кварталы. Текла не менее горячая кровь, но самба и карнавалы были уже немислимым зрелищем для более сдержанных аргентинцев, для которых танго – танец внутренней экспрессии – становился символом нации. Среди лиц преобладали характерные европейские черты южных народов Европы – итальянцев, испанцев, – смешанные большей частью с кровью местных аборигенов, часто белых туземцев, резко отличавшихся от своих бразильских соседей. Может, сказывался более холодный климат или отсутствие такого количества рабов, которые были завезены в Бразилию португальцами. Может, сказывалась большая открытость испанской культуры миру. Но обе страны и оба соседних народа резко отличались друг от друга в этническом, национальном, эмоциональном плане. Единым для обоих государств была только одна страсть – любовь к футболу, ставшему национальным видом спорта и в Бразилии, и в Аргентине.

Но если в Бразилии это было помешательство, доходившее до сумасшествия, то в Аргентине это было помешательство, доходившее до неистового экстаза. Но не более того. Здесь не выбрасывались с балконов в случае поражения национальной сборной. Хотя переживали не менее сильно. Но, может, менее театрально, чем это любили делать в Бразилии.

Марина и раньше неоднократно бывала в Буэнос-Айресе. Вместе с Сантьяго это были два ее самых любимых города на континенте. Но если со столицей Чили была связана грустная история о несостоявшейся любви и первом чувстве, вспыхнувшем тут много лет назад, то со столицей Аргентины были связаны только светлые воспоминания постоянного праздника и веселого аромата города, так красиво встречающего каждого.

Проходивший мимо цветочник протянул ей цветок. Она знала, что это бесплатно. Просто парень таким образом выражал ей симпатию, подчеркивая ее красоту. Деньги можно было не платить. А можно было заплатить в десять раз больше, чем стоила эта роза. Что она и сделала, вызвав ответную улыбку у молодого человека.

В маленьком кафе «Каварено», которое принадлежало иммигрантам из Северной Италии, она всегда пила кофе. По-особенному заваренный «капучино» со сливками был здесь какой-то особенно приятный. И даже сын хозяина, сменивший своего отца, ровно шестнадцать

лет назад впервые обслуживший Чернышеву в этом заведении, уже не мог узнать в этой красивой зрелой женщине ту молодую девушку, которая приходила сюда пить кофе. Это было так давно.

Тогда она впервые встретила с Дорвалем. С единственным человеком, в которого влюбилась сразу и навсегда. Но по непонятному капризу судьбы они принадлежали разным странам. И разным ведомствам. Он был представителем французских спецслужб, прибывшим в Южную Америку для выполнения своего задания. Она была молодой сотрудницей советской разведки, впервые получившей такое ответственное поручение.

И они полюбили друг друга. Собственно, ничего необычного в этом не было. Молодой человек и молодая девушка познакомились и полюбили друг друга. Необычным было другое. Один из них должен был умереть. Это был самый мучительный и самый страшный выбор для женщины. Обрести любимого и потерять его навсегда, лично отдав приказ о его уничтожении. Тогда в Чили с ней прилетел сам Ронкаль – человек-легенда. Профессиональный убийца, иногда используемый в особо деликатных случаях специалистами ПГУ. И она не смогла тогда сделать свой выбор. Только упростила Ронкаля не трогать любимого человека.

Видимо, в душе этого чудовища что-то дрогнуло, если он все-таки не стал убивать Дорваля и решил его пощадить. С тех пор она никогда не видела и никогда не слышала о своей первой и единственной любви. У нее было много встреч, были интересные мужчины, было неудачное замужество. Но единственная любовь была однажды в жизни. И больше ничего подобного не случилось. С Дорвалем было связано не просто воспоминание о первой любви. С годами чувства могли несколько остыть, эмоции могли перейти в сферу разума. Но через девять месяцев после тех памятных встреч в Чили у нее родился сын, которого она назвала в честь отца – Аленом Чернышевым. И который теперь ждал ее в Москве, оставшись с ее матерью.

Сыну было уже пятнадцать лет, и она с удивлением, смешанным с непонятным чувством восторга и горечи, все чаще обнаруживала, как сын похож на отца. На единственного человека в этом мире, которого она любила по-прежнему и который даже не подозревал о существовании своего сына.

Тогда из Чили она вернулась в Аргентину и отсюда улетела домой. И тогда генерал Чернов, который был еще полковником, видя ее состояние, посоветовал ей стать бесчувственной сукой, не реагирующей на подобные встречи. Сегодня в кафе она с ужасом убедилась, что, кажется, стала таким человеком, уже не реагирующим так остро на те воспоминания. За все эти годы она не пыталась найти Дорваля, выйти на него, узнать, что случилось с отцом ее ребенка. Она стала прагматиком и реалистом. Полковник Чернышева прекрасно понимала, что такая встреча никогда не состоится. Ей просто не разрешат этого сделать. Она знала слишком много секретов и работала в разведке слишком долго, чтобы ей разрешили вспомнить о любимом человеке – офицере французской контрразведки ДСТ.

В лучшем случае ей просто сорвали бы эту встречу. В худшем – убрали Дорваля. Или их обоих. В таких ситуациях двух мнений никогда не бывало. Обеспечение секретности было высшим приоритетом их работы. И никакие личные чувства в расчет приниматься просто не могли. Это полковник Чернышева знала слишком хорошо.

Выпив свою чашечку кофе и улыбнувшись на прощание молодому хозяину, она привычно положила купюру под чашку и вышла на улицу. «Благидзе будет волноваться», – вспомнила Марина. Сегодня нужно выспаться. Следующие два дня могут быть достаточно сложными. Ей нужно либо убедить Флосмана в необходимости сотрудничества с КГБ, либо... О втором варианте она не хотела думать. Но знала, что Благидзе поплывет с ней по реке именно из-за этого, второго, варианта.

Вернувшись в отель, она нашла своего постоянного напарника, сидевшего в холле отеля и терпеливо ее ожидавшего. Как и все мужчины-коллеги, работавшие с Чернышевой, он был

немного влюблен в нее. Но никогда не говорил на эту тему, даже в поездках. И вовсе не из-за различия в званиях между полковником и капитаном, и не из-за разницы в возрасте, которая составляла более десяти лет и не в его пользу. Просто Благидзе знал легенды группы «Кларисса». И знал, как она неохотно идет на подобные контакты со своими коллегами. Вернее, вообще никогда не идет. Может, таким суровым способом она оберегает свой внутренний мир, не впуская в него своих коллег, отделив для себя навсегда работу от личной жизни.

Увидев входившую в отель Чернышеву, он подождал, пока она пройдет к лифту, лишь затем медленно направился к лестнице, чтобы подняться в свой номер.

Ночь прошла спокойно...

А рано утром позвонил Диас.

– Доброе утро, – сказал он своим глуховатым голосом, – нам нужно срочно увидеться.

Марина не удивилась. Она ожидала нечто подобное. Сегодня был последний день, и Флосман должен был дать о себе знать. Если бы она знала, каким страшным образом он это сделает.

– Хорошо, – согласилась она, – через полчаса в кафе «Каварено». Вы знаете, где оно находится?

– Знаю. – Диас положил трубку, даже не попрощавшись.

Через полчаса она уже сидела на привычном месте в кафе. Александр Благидзе, к которому она постучалась через пять минут после звонка Диаса, успел побриться и привести себя в порядок. Сейчас и он сидел за крайним столиком, терпеливо ожидая связного. Диас появился с опозданием на несколько минут. Он мрачно прошел к ее столику и сел напротив нее.

– У нас проблемы, – тихо сказал он. В этот ранний час людей в кафе почти не было.

– Что произошло?

– Исчез Липка. Сегодня ночью он не вернулся домой.

Марина нахмурилась. Это было действительно очень неприятное сообщение. Куда мог деться Липка? Он ведь вчера должен был забрать свой билет и сегодня быть у речного причала.

– Может, он решил заночевать в городе?

– Нет. Мой человек дежурил всю ночь у его дома. И отметил, что ночью жена Липки выходила на улицу, словно в ожидании своего мужа. А утром позвонила сыновьям в Буэнос-Айрес. В семье тоже не знают, куда он делся. Полчаса назад она позвонила в полицию.

– Только этого не хватало, – в сердцах сказала Марина.

– Они будут теперь искать вас. Жена расскажет, что вы приезжали два дня назад к ним домой. Она вас видела?

– Нет. Она к нам не выходила.

– Это, конечно, лучше. Но все равно полиция будет искать Липку или его тело. И неминуемо выйдет на вас. Может, он сбежал?

– Зачем? Мы не предлагали ему ничего страшного. Только проехать с нами до Санта-Фе и вернуться обратно.

– Если он рассказал об этом жене, то на вашем судне обязательно будет полицейский инспектор. Или несколько инспекторов.

– Я думаю, он не успел ей рассказать. Вчера мы встретились с ним, и только от меня он узнал маршрут и место, куда мы едем. От меня он поехал в кассу пароходства забирать свой билет. Нет, жена Липки не могла знать, куда он едет, это исключено. Он сам узнал об этом только вчера.

– Он поехал от вас прямо за билетом? – уточнил Диас.

Марина кивнула головой.

– Может, тогда нам стоит проверить именно там, – задумался Диас, – его кто-то наверняка мог видеть в порту. Проверим, забрал ли он билет. На чью фамилию он был оставлен?

– Конечно, на его фамилию, – раздраженно сказала Марина и вдруг поняла, что именно она сказала. – Вы думаете, кто-то мог узнать, что и он собирается на этот теплоход?

– Вот именно, – мрачно ответил Диас.

– Вы правы, – быстро сообразила Чернышева, – нужно проверить прежде всего в порту. Узнать, забрал ли он свой билет. И кто видел его в последний раз.

– Мы все сделаем. В котором часу отходит ваш теплоход?

– В семнадцать десять.

– Название судна вы помните?

– Конечно. «Кастуэра». Обычный туристический маршрут до Санта-Фе.

– Мы все проверим, – поднялся Диас. – Где вы будете в три часа дня?

– Мы можем встретиться здесь.

– Нет. Это слишком опасно. Вы помните ресторан, где мы с вами обедали в первый день?

– Да. Там были такие острые блюда.

– Я буду ждать вас там в три часа дня, – бросил на прощание Диас, выходя из кафе.

Марина проводила его задумчивым взглядом. Потом расплатилась за кофе и направилась к своему автомобилю. За ней потянулся Благидзе. Она перешла улицу и подошла к газетному киоску, торгующему мелкими сувенирами. Благидзе понял, что она собирается ему что-то сказать, и поспешил за ней. Когда он остановился рядом, она тихо сказала:

– Исчез Липка. Он не появился сегодня ночью дома. Жена обратилась в полицию. Нужно все проверить.

Благидзе кивнул и пошел к своему автомобилю. Марина заторопилась к своему. До отхода теплохода было еще около восьми часов.

Глава 5

Оставшиеся часы тянулись в томительном ожидании. К полудню вернулся Благодзе. По данным местной резидентуры КГБ, билета на имя Липки в кассе уже не было. Это означало, что Липка успел его взять и лишь после этого исчез, словно растворившись в воздухе. Марина вторично послала Благодзе на встречу, попросив проверить через посольство все информационные сообщения о происшедших несчастных случаях за вчерашний день.

Можно было сослаться на поиски собственного дипломата и получить точную картину происшедших событий. Возможность того, что Липка случайно попал под автомобиль или в подобную неприятность, была ничтожно мала. Таких совпадений почти не бывает. Но Чернышева решила проверить.

В этот день она не обедала. Никаких известий от Диаса по-прежнему не было. В половине третьего вторично вернулся Благодзе. В городе было зафиксировано несколько аварий, несчастных случаев. Однако к Липке или похожему на него человеку они отношения не имели.

Ровно в три часа Марина сидела в небольшом ресторанчике рядом с отелем, ожидая Диаса. Сохранявший относительное спокойствие Благодзе сидел, как обычно, в углу. Она даже не почувствовала, что проголодалась, попросив хозяина принести лишь чашку кофе. На часах было уже половина четвертого, когда хозяин ресторана подошел к ней и тихо сказал:

– Не ждите, сеньора. Диаса не будет. Он звонил и попросил вам передать, что успеет приехать к отъезду.

– К какому отъезду? – чисто профессионально спросила она и, расплатившись, вышла из ресторана. Неужели с Диасом тоже произошло нечто неприятное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.